

УДК 81'255.2

Doi 10.26456/vtfilol/2023.4.171

**ЭКСПЛИКАЦИЯ И УСЕЧЕНИЕ КАК СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ
ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ
(на материале произведений авторов Русского Севера
и их переводов на английский язык)**

М.В. Дорофеева

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск

Рассмотрены два частных способа передачи деонтической модальности в переводе: экспликация и усечение. Использование данных способов в практике художественного перевода продемонстрировано на материале текстов произведений Ф.А. Абрамова и Б.В. Шергина и их переводов на английский язык. Дается комментарий о свойствах художественного текста, позволяющих переводчикам изменять степень экспликации деонтического смыслового компонента высказывания.

***Ключевые слова:** языковая модальность, деонтическая модальность, деонтическое высказывание, литературный перевод, литература Русского Севера.*

В языкознании понятие модальности рассматривается с разных позиций. В отечественной лингвистике широко распространено ее понимание как языковой универсалии функционально-семантического характера, выражающей в речи либо субъективное отношение говорящего к высказываемому, либо отношение высказываемого к реальности. Так, в отечественном языкознании распространено противопоставление модальностей в рамках дихотомии «реальность – ирреальность», а также противопоставление объективной и субъективной модальностей [5: 303]. На практике любой частный аспект модальности, как узкий, так и широкий, может быть выделен в самостоятельный ее подвид и изучаться отдельно, например: модальность вежливости [2], модальность необдуманности [3], оценочная модальность [4] и т.д.

Деонтическая модальность, рассматриваемая в рамках данной статьи, выражает различные проявления в коммуникации концептов ‘долг’, ‘необходимость’, ‘обязанность’, ‘запрет’ и ‘разрешение’. Понятие о деонтической модальности пришло в лингвистику из логики, где она впервые была описана как самостоятельное явление финским философом Георгом фон Вригтом. Рассуждая о деонтической модальности как о явлении морально-этического характера, он писал, помимо прочего, об относительности деонтических утверждений: то, что является обязательным, разрешенным или запрещенным согласно одному

моральному коду, может не являться таковым в рамках другого морального кода [9: 15].

Широкое поле для исследований лингвокультурной специфики деонтической модальности представляет собой материал, связанный с художественно-литературным переводом: параллельный характер текстов оригинала и перевода позволяет рассмотреть не просто схожие, а идентичные коммуникативные ситуации, а разнообразие переводческих подходов, приемов и решений, применяемых для воссоздания данных ситуаций в иной языковой среде, подчеркивает и наглядно показывает различия в культурах языка оригинала и перевода.

В данной статье кратко представляются два специфических способа передачи деонтической модальности (экспликация и усечение), выявленные в ходе сравнительно-сопоставительного исследования, проведенного на материале художественных произведений ряда авторов Русского Севера (Ф.А. Абрамова, С.Г. Писахова, Б.В. Шергина и В.В. Личутина) и их переводов на английский язык.

Под экспликацией деонтической модальности понимается прием перевода, при реализации которого деонтический смысл высказывания на языке оригинала, сформированный за счет контекста и выраженный без обращения к маркированным деонтическим языковым элементам, в переводе передается с использованием маркированного языкового элемента.

Представим далее некоторые случаи реализации в тексте перевода экспликации деонтической модальности и прокомментируем их:

(1) Бывало, с пекарни придет, близко к осени, уж темно, а она кузов на плечо да за травой, да еще по сторонам оглядывается — как бы кто не поймал [1: 112]. // She'd come home from the bakery autumn-time, and it'd be almost dark, but she'd grab her basket and off for grass, watching out all the time, 'cos it **wasn't allowed** [7: 136].

(2) Не закричишь: «Отстань, тварь пьяная», когда народ кругом. [1: 54]. // What could she do, you **can't** say "Let me alone, you drunken fool" when there are people all round [7: 72].

(3) Остарею, все на него опрокинется, не до книг будет... [6: 286] // When I get old, he'll **have to** take the reins. He won't have time for books then [8: 43].

(4) Нигде не бывала мама — ни у родителей своих, ни на гулянье [1: 15]. // Ma **could** never go anywhere—not to festivals, not even to her parents [7: 28].

В микроконтексте (1) деонтический смысл оригинального высказывания обусловлен социокультурным контекстом описываемого периода времени. Речь идет о жительнице села в период 1940-50-х годов, когда сбор травы для личных нужд на лугах, принадлежащих колхозу, был запрещен на законодательном уровне. Повесть «Алька», являющаяся источником данного микроконтекста, была издана в СССР в 1972 году, и для своей целевой аудитории, советского читателя, писатель Ф.А. Абрамов не счел нужным сделать отдельного пояснения данной

ситуации, положившись, очевидно, на фоновые знания читателей. Переводчик же, имеющий в виду отсутствие у целевой аудитории необходимых фоновых знаний для адекватной интерпретации данного высказывания, эксплицировал информацию о существовании запрета при помощи деонтического глагола *to allow*.

В микроконтекстах (2) и (3) деонтический смысл оригинала обуславливается наличием общепринятых норм поведения и уклада жизни, действующих в тех или иных сообществах, которые делают запретными или обязательными те или иные действия. В первом случае речь идет о нормах поведения в условиях села середины XX века. Грубый разговор с родственником недопустим, что передается при помощи отрицательной формы глагола *can* там, где его могут увидеть посторонние лица. Второй случай отражает явление преемственности поколений, в условиях которой принятие сыном дел отца рассматривается как сама собой разумеющаяся обязанность (социокультурный контекст – поморское село XVIII века), наличие которой эксплицируется в переводе глаголом *to have* в его деонтическом значении.

Деонтическое значение микроконтекста (4) задается контекстом самого произведения. По сюжету героиня выходит замуж за мужчину грубого и тиранического характера, который запрещает ей уходить из дома для посещения родных и друзей. Таким образом «нигде не бывала» она не по своему собственному желанию или ввиду сложившихся обстоятельств, а вследствие реального для её условий (сельская территория в 1920-1930-е гг.) запрета, на что и указывает отрицательная форма глагола *can*.

Противоположностью экспликации деонтического значения высказывания является его усечение. Этим термином мы обозначаем прием, при реализации которого выраженный с помощью маркированного компонента деонтический смысл в переводе передается без обращения к маркированному компоненту. Утраты деонтического смысла высказывания при этом не происходит из-за способности других компонентов высказывания передавать данный смысл имплицитным образом, через ресурсы контекста.

Приведем микроконтексты, демонстрирующие усечение деонтического значения в условиях перевода:

(5) Сколько раз он говорил: **нельзя** закармливать ребенка [1: 233]. // How many times Stepan Ivanovich had protested against stuffing the boy [7: 177].

(6) Не. По ихней леригии его дело **запретно** [1: 104]. // Not a drop. Their religion's agin it [7: 127].

(7) Особенно **нельзя** было дразнить зырян с Вашки. Ух, народ! [1: 414]. // Those Zyrians from the Vashka, for example. It wasn't worth getting on the wrong side of them [8: 69].

(8) Пелагею из себя выводил мятый, линиялый халатишко, который натянула на себя Алька. Как **можно** — в том же самом тряпье, в котором мать

возле печи возится! [1: 63] // Pelageya was inwardly furious about the crumpled, faded overall Alka had dragged on. The same rag in which her mother worked by the stove! [7: 82].

В микроконтексте (5) запрет на выполнение действия диктуется общими соображениями говорящего, точнее – думающего, о поддержании здоровья детей: что для этого необходимо, а чего делать нельзя. В переводе, соответственно, указывается на то, что герой высказывался против совершения данного действия по отношению к вполне конкретному ребенку (его сыну). Тем не менее, учитывая контекст произведения (повесть Ф.А. Абрамова «Мамониха», изданная в 1973 году, главные герои которой являются семьей, не так давно переехавшей из села в город), запрет и выражение протеста, исходящие со стороны главы семьи, могут быть проинтерпретированы в едином ключе, независимо от реальной способности персонажа добиться соблюдения запрета.

Деонтика высказывания в микроконтексте (6) выражена эксплицитно. Речь идет о правилах употребления алкоголя (точнее, о полном его запрете) среди старообрядцев, к которым присоединяется один из персонажей истории. В переводе, однако, не используются деонтические лексемы, соответствующие понятию запрета, такие как *to forbid*, *to ban* или отрицательная форма глагола *to permit*. Вместо этого буквально говорится, что «*их религия против этого*». Условия существования старообрядческой общины подразумевают, что ее представители будут следовать ее представлениям о правилах поведения, однако эксплицитным образом наличие именно запрета не упоминается.

У лексемы *нельзя* в микроконтексте (7), как и в микроконтексте (5), деонтическое значение является расплывчатым. Речь идет скорее не столько о наличии строгого запрета, сколько о соображениях целесообразного поведения для соблюдения безопасности человека. Совершение действия (непочтительное обращение с соседями – представителями иной народности, которым местный фольклор приписывает наличие магических способностей) может привести к неблагоприятным последствиям. Деонтический или недеонтический характер высказывания определяется, таким образом, в зависимости от того, рассматриваем ли мы выбор оптимального действия для обеспечения собственной безопасности как некое обязательство отдельно взятого человека перед самим собой, обществом или иными высшими силами. Употребляемое в переводе выражение *to be not worth it* («*не стоит того*») передает, прежде всего, значения нежелательности и непредпочтительности, также не являющиеся эксплицитно деонтическими, хотя и смежные с ним. Однако в целом высказывание сохраняет указание на то, что определенное действие в условиях данной среды не приветствуется и не должно совершаться.

Наконец, в микроконтексте (8) наблюдается мысленная реакция персонажа на нарушение негласного правила этикета, согласно которому принимать гостей необходимо в приличной одежде. В оригинале лексема *можно* имеет эксплицитно деонтическое значение, которое в переводе исчезает. Указание на нарушение правила этикета, однако, сохраняется за счет восклицательной интонации высказывания, передающей эмоцию возмущения, одну из стандартных реакций на нарушение запрета или уклонение от обязательства.

По нашим наблюдениям, сделанным в ходе исследования, экспликация в рамках передачи деонтического значения при переводе художественного текста встречается значительно чаще (126 случаев), чем усечение (41). Однако оба этих способа передачи деонтики в переводе могут быть признаны приемлемыми, не искажающими или искажающими в незначительной степени оригинальный смысл высказываний, формирующих текст. Это особенно важно для перевода художественных произведений, поскольку способствует адекватной передаче литературного текста и его авторской модальности, формирующейся за счет взаимодействия множества микросмыслов, сообщаемых автором различными языковыми средствами как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях.

Список литературы

1. Абрамов Ф.А. Трава-мурава: повести и рассказы. М.: Современник, 1982. 557 с.
2. Берн А.А. Модальность вежливости в финской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А.А. Берн ; Ин-т языкознания РАН. М., 2014. 30 с.
3. Волкова Е.П. Лексические средства выражения модального значения необходимости действия в конструкциях с инфинитивом : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.П. Волкова ; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2010. 21 с.
4. Гукасова М.В. Оценочная модальность английских фразеологических единиц и способы ее реализации в контексте эмоционально-предметной направленности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.В. Гукасова ; Пятигор. гос. ун-т. Пятигорск, 2016. 23 с.
5. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 303–304.
6. Шергин Б.В. Запечатленная слава: поморские были и сказания. М.: Советский писатель, 1983. 382 с.
7. Abramov F.A. The swans flew by and other stories. M.: Raduga, 1986. 349 p.
8. In the land of white nights. M.: Raduga, 1987. 367 p.
9. Wright G.H. Deontic logic // Mind. 1951. Vol. 60. № 237. Pp. 1–15.

Об авторе:

ДОРОФЕЕВА Мария Владимировна – преподаватель, НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства», Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163002, Россия, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, 17), e-mail: malarie@yandex.ru

**EXPLICATION AND REDUCTION AS MEANS
OF RENDERING DEONTIC MODALITY IN TRANSLATION
(AS EXEMPLIFIED IN WORKS BY AUTHORS OF
RUSSIAN NORTH AND THEIR ENGLISH TRANSLATIONS)**

M.V. Dorofeeva

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

This article explores two specific tools of rendering deontic modality in translation: explication and reduction. The application of these tools in the practice of literary translation is demonstrated with the use of materials from the texts of literary works by F.A. Abramov and B.V. Shergin and their English translations. Commentary is provided on the qualities of literary text that allow translators to change the degree of how explicit the deontic component is in certain utterances.

Keywords: *language modality, deontic modality, deontic utterance, literary translation, literature of Russian North.*

About author:

DOROFEEVA Mariya Vladimirovna – lecturer, SEC “Integrative Translation Studies of the Subarctic Space”, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (163002, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Arkhangelsk Oblast), e-mail: malarie@yandex.ru

© Дорофеева М.В., 2023

Статья поступила в редакцию 19.09.23
Подписана в печать 10.10.23